
МЁРТВЫЕ
РАСКРОЮТ ПРАВДУ
СЕЗОН ПЕРВЫЙ

Никита Ткачев

Мёртвые Раскроют Правду

https://litres.ru/74719514
SelfPub; 2026

Аннотация

Свет погас ночью, без криков. Утром Никита щёлкает лампой, и квартира отвечает тишиной.

Ему двадцать один. Он живёт один, зарабатывает на крипте и не знает соседей по площадке. На стене дедов револьвер, на щеке шрам, и об этом он не говорит никому.

Но первая просьба о помощи за дверью оборачивается убийством, а выживать придётся вместе с теми, кого он не замечал десять лет: пожарным с сыном, электриком, медсестрой, дальнобойщиком и тринадцатилетней Ликой, которая считает его плохим.

Двери сняты, лестница перекрыта, на всех одна лампочка. Почти два года они учатся смеяться снова. Пока в одно утро не падает баррикада.

А когда у Никиты кончатся патроны, оживёт рация, молчавшая с первой страницы.

Это не про зомби. Это про письма мёртвых, долги, которые не вернуть, и родство, которое не зависит от крови. Здесь никого не щадят из жалости: каждый уходит, когда его линия закончена.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ТИШИНА 5
ГЛАВА ВТОРАЯ. ВЫСТРЕЛ 10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СОСЕДИ 12
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Никита Ткачев
Мёртвые Раскроют Правду

Мёртвые раскроют правду
Сезон первый
Автор

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ТИШИНА

Комната была маленькая, и всё в ней стояло на своих местах. Тёмные шторы, стол, три монитора, кровать у стены. Ничего лишнего. По этой комнате было видно, что человек живёт в ней один и давно.

Над столом на стене висел револьвер. Старый, потёртый, повешенный с такой заботой, как вешают не оружие, а фотографию. На столе рядом с клавиатурой лежала рация. Она молчала.

Никита сидел в наушниках. На втором мониторе шёл Дискорд, на первом игра, а на третьем без звука бежали новости: ковид, новая мутация, сводки по городам. Люди на экране что-то говорили, и никто их не слушал. На щеке у Никиты белел тонкий шрам.

— Ты там вообще слушаешь? — спросил друг в наушниках. — Третий раз спрашиваю, идёшь на точку или нет?

— Иду, иду. Подожди.

Он бросил взгляд на рацию, взял её, нажал кнопку. В ответ шипение. Больше ничего.

— Странно. Рация молчит.

— Ну, может, сломалось она там у тебя.

— Со вчерашнего дня молчит, — сказал Никита. — Раньше хоть кто-то был.

Он положил рацию обратно, но руку убрал не сразу.

— Ты опять смотришь эти ролики?

— Да нет, — сказал он, не сразу. — Просто фон.

Он потянулся к мыши и выключил звук на третьем экране. Люди продолжали говорить, теперь совсем беззвучно.

— Ладно. Давай ещё катку. И спать.

Ночью он лежал на кровати, и телефон светился в его руке. Голоса, обрывки, тревожные заголовки: он листал их, не комментируя и не задерживаясь. Потом выключил экран, положил телефон рядом и закрыл глаза.

За окном город был как обычно: огни рассыпаны по темноте. Потом один район погас. Потом ещё один. Свет уходил волной, и никто не слышал, как он уходит. Гасли улицы, фонари, окна кварталов. Погас район Никиты. У дома мигнул и умер последний фонарь. В подъезде лампа над входом вспыхнула и сдалась, и лестничные пролёты стали темнеть сверху вниз, этаж за этажом. Под дверью его квартиры исчезла полоска света.

Он спал и не видел этого.

Утром свет едва пробивался сквозь шторы. Никита потянулся к лампе и щёлкнул выключателем. Ничего. Щёлкнул ещё раз.

Он пошёл в ванную, включил воду, умылся. Посмотрел на себя в зеркало, коснулся пальцами шрама на щеке и сразу опустил руку.

На кухне он жевал без аппетита. Взял телефон: нет сети. Перезагрузил: нет сети. Включил Wi-Fi: пусто. Положил те-

лефон экраном вниз.

В квартире стояла такая тишина, какой он не слышал никогда. Не гудел холодильник. Не было слышно соседей.

Никита медленно перестал жевать.

Раздался стук в дверь, громкий, глухой, неровный.

— Никита! — закричали из-за двери. — Никита, я знаю, что ты дома!

Он встал и на цыпочках подошёл к двери. В глазок, искажённый, как в кривом зеркале, был виден Пётр Иванович, сосед, пожилой, в домашней одежде. Бледный, с дрожащими руками.

— Никита, помоги, пожалуйста. Никто не отвечает. Я стучался ко всем.

Никита не открыл.

— Что случилось, Пётр Иванович?

— Жене плохо. У неё температура, она… она не такая. Я не знаю, что делать. Помоги, пожалуйста.

Никита закрыл глаза. Он понимал больше, чем хотел понимать.

— Идите к себе, Пётр Иванович. Дверь оставьте открытой. Я сейчас.

Шаги за дверью стихли. Никита стоял и смотрел на дверь, и лицо у него было растерянное: он искал решение и не находил.

— Блин, — сказал он тихо, самому себе. — Что мне делать…

Он пошёл в комнату, достал из ящика маску и надел её. Из аптечки взял несколько препаратов и сунул в карман. Остановился, посмотрел на револьвер на стене. Не взял.

Дверь открылась медленно.

В подъезде было тихо и темно, только из окна пробивался дневной свет. Дверь в квартиру Петра была приоткрыта. Никита подошёл к ней и остановился на пороге.

— Пётр Иванович?

Пахло сыростью и лекарствами.

— Никита! — позвали из комнаты. — Давай сюда. Тут жена. Тут я.

Он прошёл коридор и остановился в дверном проёме. Пётр сидел на краю кровати. На кровати лежала Лариса, жена, неподвижно, спиной к двери. Никита смотрел на неё и всё понимал по тому, как она лежала и как дышала. Он сглотнул.

— Пётр Иванович, — сказал он спокойно. — Отойдите, пожалуйста, от неё. Пойдёмте ко мне.

— Нет. Оставь лекарство и иди домой.

— Пётр Иванович…

— Как я её брошу? — сказал Пётр. — Ты понимаешь? Как я её оставлю?

Никита промолчал.

Лариса медленно повернула голову. Взгляд у неё был пустой. Она дёрнулась и потянулась к Петру.

— Пётр Иванович, это уже не она! — крикнул Никита. — Пойдёмте со мной!

— Уходи.

Никита положил пакет с лекарствами на тумбочку. Сделал шаг назад, потом ещё один. Лариса попыталась укусить Петра за руку. Он не отдёрнул её.

Никита развернулся и вышел.

По коридору он шёл медленно и ровно, как человек, который боится спугнуть тишину. Потом сорвался и побежал. Влетел в свою квартиру, захлопнул дверь, запер все замки и прислонился к ней спиной. Дышал тяжело. Снял маску.

Стояла тишина. Та самая, которой не было слышно с утра, и теперь он знал, что это не поломка.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ВЫСТРЕЛ

Никита принёс из кухни деревянный стул и поставил его напротив входной двери. Потом зашёл в комнату и снял со стены револьвер.

Он держал его в руках секунду и смотрел на него. Потом вернулся в прихожую, сел на стул и направил ствол на дверь.

Время шло. Он смотрел в глазок. Смотрел на дверь. Снова в глазок. Площадка за стеклом была пустая и тёмная, и каждый раз, когда он отрывался от неё, ему казалось, что что-то изменилось.

За окном стало темнеть. Никита сидел всё так же, но голова у него склонялась, и глаза закрывались сами. Рука с револьвером опустилась на колено.

Револьвер соскользнул и стукнул об пол.

Он вздрогнул и проснулся. Подобрал револьвер и сразу вскочил, подошёл к двери и приник к глазку.

Площадка по-прежнему была пустой. А потом мимо проплыла тень: медленная, неровная, чужая.

Никита отступил от двери на два шага. Пол скрипнул под ногой.

За дверью шаги прекратились.

Наступила тишина. Потом медленно, с тихим шорохом, кто-то подошёл вплотную к двери. Никита поднял револьвер. Рука не дрожала. Он целился на уровне головы.

Он не двигался. Дверь тоже молчала.

Выстрел.

Тяжёлое тело упало за дверью. Эхо покатилось по подъезду, ударилось о стены и затихло. Никита стоял и не моргал.

Эхо слышали по всей площадке. Где-то рядом тихо приоткрылась дверь и сразу закрылась. Потом щёлкнул ещё один замок. Подъезд затаился и слушал.

Никита открыл дверь.

На полу площадки лежал Пётр. На этот раз мёртвый по-настоящему, с простреленной головой. Вокруг было тихо.

Никита смотрел на тело. Потом опустился на колени. Руки у него тряслись, и он держал их перед собой и смотрел на них, как на чужие.

— Я убил человека… — сказал он шёпотом.

Он не слышал шагов.

На площадке открылась ещё одна дверь, и вышел Николай, сосед по этажу. Он вышел на выстрел. В руке у него было что-то тяжёлое. Он посмотрел на тело Петра, потом на Никиту.

— Что ты сделал?

Никита поднял голову. Он хотел ответить, но не успел: Николай ударил его сбоку. Никита упал рядом с телом.

Стало темно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СОСЕДИ

Никита очнулся от боли в затылке.

Он сидел на стуле, руки были стянуты за спиной, ноги привязаны к ножкам. Комната была чужая: шкаф, диван, на стене детские рисунки. В квартире Николая он не был никогда, хотя жили они на одной площадке много лет.

Николай стоял напротив и смотрел на него так, как смотрят на того, кого не понимают.

— Ты понимаешь, что ты убил человека? — сказал он.

— Это уже был не человек.

— Это был Пётр. Я его знал двадцать лет.

— Вы не видели его жену, — сказал Никита. — Если бы вы её видели…

— Ты убил за просто так.

— Нет. Пойдите и посмотрите сами. Только не одним. Возьмите мой револьвер, он на кухне у двери. Вам нужна защита.

Николай долго молчал. Потом молча вышел. Дверь он оставил открытой, и Никита слышал, как шаги удаляются по площадке. Потом хлопнула другая дверь, дальше по коридору. Тишина. Потом голос Николая, негромкий:

— Лариса?.. Эй, Лариса…

И выстрел.

Никита вздрогнул. Выстрел прокатился по подъезду, и всё

снова стихло. Больше он ничего не услышал.

В комнате было тихо. И тут он понял, что не один.

В дверях стояла девочка лет тринадцати. Каштановые волосы до плеч, карие глаза, на ней была домашняя футболка. Она смотрела на него молча.

— Лика, — сказал Никита, и голос у него сорвался. — Ты слышишь? Это твой отец. Развяжи меня, пойдём вместе, если ты боишься. Вместе пойдём.

— Ты же плохой, — сказала она.

— Нет, нет, нет. Лика, там твой папа. Ему нужно срочно помочь.

Девочка не двигалась. В её лице не было злости, только растерянность: она слышала выстрел, а теперь слышала его.

Тут открылась другая дверь, и в комнату вошёл молодой человек. Лет девятнадцати, худой, с молотком в руке. Это был Марат. Он подошёл к Никите и развязал верёвки, неловко, торопясь. Руки у Никиты освободились.

Он встал, потёр запястья. Потом взял Лику за плечи, повёл в её комнату, усадил и закрыл дверь. Повернул ключ.

Он повернулся к Марату.

— Ты кто?

— Сосед твой, алло.

— Сын Павла? Тот, который МЧС?

— Да, да, тот самый. Капец, мы с тобой вроде десять лет на одном пролёте живём, а ты даже не знаешь, кто я такой.

— Нам нужно к Петру в квартиру.

— Нет, нет, я туда не пойду. Ну тебя нафиг. Твоя жизнь, делай что хочешь.

— Ты видел, каким стал Пётр?

— Нет. Я видел, что ты его убил, через глазок. Просто странно: ты десять лет был паинькой, и тут бам, убийства.

Никита не стал оправдываться.

— Ладно. Я пойду. Мне там нужно кое-что забрать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.